

Электричка на Зеленогорск задерживалась. Люди на перроне нетерпеливо поглядывали на часы, обмениваясь сердитыми фразами. Миловидная девушка с забранными в пучок светлыми волосами нервно теребила ручку спортивной сумки, из которой торчали цветастые воланы капроновой юбки. «Опять придется оправдываться перед управляющим санатория, — с досадой думала она, — но это еще полбеды, а вот как смотреть в глаза детям, которые ждут представления?»

Хрипло чихнув, репродуктор проскрипел невнятное, и перрон ожил. Старухи, подорвавшись со скамеек, бодро поволокли сумки-тележки к краю платформы, родители крепче схватили детей за руки. Вдалеке показалась гусеница состава.

Девушка закинула на плечо рюкзачок, подхватила сумку и направилась на посадку.

Опасность!

Прямо к ней, уже стоящей на краю платформы, быстрым шагом направлялся незнакомый мужчина. Надвинутая на глаза бейсболка скрывала лицо, под мышкой — пластмассовая переноска, в таких обычно перевозят кошек. Почти физически она ощутила угрозу, исходящую от незнакомца. Холодные, липкие

щупальца страха скрутили живот и потянулись вверх, защемив сердце.

«Беги! Спасайся!» — кричала интуиция, но девушка не шелохнулась.

Не доходя нескольких метров, незнакомец открыл переноску. На платформу выскочили... Она даже не поняла, что это за животные. Коричневатый мех, тупая усаемая морда, лысый, похожий на змею, хвост. Шустрые.

— Крысы!

— Ондатры, а не крысы!

— Лови их, лови!

— Ой, они кусаются! — доносилось со всех сторон.

Ондатры заволокло металась по платформе. Одна, высоко подпрыгнув, вцепилась в чью-то ногу, другая пыталась спрятаться среди сумок. Крики, смех, ругань доносились со всех сторон. С визгом в плотную стайку сбились перепуганные дети. Все внимание на перроне было приковано к обезумевшим животным, и только девушка, застыв на месте, не могла отвести взгляд от неумолимо надвигающейся на нее фигуры.

В какой-то момент их глаза встретились. Отчаяние, страх, сомнение, жалость... — сложная смесь чувств отразилась на мужском лице. Рука, уже тянувшаяся, чтобы спихнуть ее на рельсы, неожиданно крепко схватила за плечо и с силой оттолкнула от края перрона.

— Будь осторожна, тебя хотят убить, — прошептал срывающийся от напряжения мужской голос.

Длинные тени деревьев перечеркивали непривычно пустынные улицы — в Петербурге стояло раннее утро. Лишь чирикание воробьев да шуршание поливомо-

ечной машины нарушали утреннюю безмятежность. Позже, когда город проснется, его центр заполнят туристы, а сейчас даже воздух казался чистым и свежим. К сожалению, только казался.

Утро — время дворников и котов. Первые неторопливо прибирали улицы, вторые грациозно потягивались или, обвив хвостом лапы, жмурились на витрины магазинов. Вот и сейчас пара хвостатых — рыжий и черный с белой манишкой — расположились прямо посреди тротуара, вовсе не собираясь уступать Артему дорогу. Артем почесал рыжего за ухом, позволил черному потереться о джинсы и двинулся дальше. Он любил утро. Потому что не нужно продирааться сквозь толпу, следя, не отстал ли кто-то из туристов. Не нужно повышать голос, стараясь перекрыть шум транспорта и уличных музыкантов. И потому что ничто не отвлекло экскурсантов. Вот скажите, разве можно рассказать о тайнах и мистике Петербурга так, чтобы приезжие прониклись духом города, прочувствовали его необычность, когда сзади напирает спешащая в метро толпа, а впереди, бесстыдно фальшивя, гнусавет «Восьмикласснику» Цоя?! Впрочем, сегодня придется обойтись без мистики, тема сегодняшней экскурсии — «Криминальный Петербург прошлого».

Артем свернул на Разъезжую и ускорил шаг. Впереди показался серый фасад метро.

Почти вся группа уже собралась возле цветочного киоска. Две девахи за центнер в мешковатых фуфайках — туристки из Монреаля. У одной в руках бутылка колы, наверняка диетической, у другой — пластиковый стакан, вернее, стаканище с кофе. В ушах — наушники, за спиной — рюкзаки, размеру которых мог бы позавидовать среднестатистический питерский

дачник. Девахи громко хихикали, каждая о чем-то своем. На них неодобрительно косилась пожилая пара типичных европейских пенсионеров: сухонькая старушка с тщательно уложенными в аккуратную прическу подсиненными волосами и ее спутник — лысый, важный, с заметным пивным брюшком. Это были туристы из Бельгии. Не хватало француза — пятого и последнего члена экскурсионной группы.

Артем нацепил на шею бейджик и изобразил дежурную улыбку.

— Бонжюр, мадам! Бонжюр, месье!

Девахи с удивлением уставились на незнакомого парня — в жизни Артем выглядел моложе своих двадцати семи лет. Футболка с Картманом из «Южного парка» и модные джинсы солидности не добавляли.

Бельгиец поднял брови и выразительно постучал по циферблату наручных часов, украшенному золотистой змейкой. «Роберто Кавалли» — слишком вычурную марку для пенсионера — Артем узнал издалека. За три года работы с состоятельными туристами хочешь не хочешь, а научишься разбираться и в клиентах, и в брендах. «Кавалли» почему-то любили ворчуны-всезнайки.

— Когда мы отправляемся? — брюзгливо осведомился старик.

Дежурная улыбка на лице Артема сменилась дежурным сожалением.

— Мы должны дождаться нашего гостя из Франции. А пока можем обсудить любую интересующую вас тему. Я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы. — Французский Артема был безукоризнен.

— Вы плохо следите за домами в центре города. — Придирчивый взгляд бельгийца уперся в здание на

противоположной стороне проспекта. — В Европе дома выглядят новее, хотя построены раньше. Это же послевоенная застройка?

Вот свезло так свезло! Такой тип всю экскурсию испортил, подумал Артем, но внешне недовольства никак не выказал.

— Здания дореволюционные, некоторые даже середины восемнадцатого века. По мере возможности город реставрирует фасады, — примирительно заметил он.

— Хм... Я, конечно, понимаю ваше желание выдать желаемое за действительное, так сказать, приукрасить существующее положение вещей, только со мной этот номер не пройдет.

Жена дернула всезнайку за рукав, но старикан уже закусил удила:

— Про восемнадцатый век можете рассказывать китайцам или своим соотечественникам. О том, что Петербург был полностью разрушен во время Второй мировой, знает любой мало-мальски образованный человек!

— Скажите, какой бы вы посоветовали привезти типично петербургский сувенир? — попыталась сойти с опасной темы жена бельгийца.

— Фарфор Императорского завода, атрибутику «Зенита», иллюстрированный альбом «Эрмитажа»... — начал загибать пальцы Артем, наблюдая, как на другой стороне Лиговского проспекта остановилось такси.

Из машины выскочил темноволосый курчавый живчик, закинул на плечо сумку-планшет и рысью припустил к пешеходному переходу. Полы расстегнутого светло-коричневого пиджачка разлетались на бегу. Не

дожидаясь зеленого сигнала, мужчина смело бросился на проезжую часть.

— Думаю, это к нам, — показал Артем на спешащего к ним брюнета.

А тот легко перемахнул через Лиговку, удостоившись всего лишь пары гудков и одного крика: «Мужик, да ты офигел!», и быстрым шагом направился к цветочному киоску. На его подвижном носатом лице блуждала застенчивая улыбка. Артем слегка напрягся: от подобных д'артаньянов так и жди беды. Ну и группа подобралась сегодня!

Поравнявшись с киоском, француз молитвенно сложил руки:

— Простите, простите, простите!

Из застенчивой улыбка превратилась в обезоруживающую. Причем настолько, что даже бельгиец, уже открывший рот для отповеди, молча задвинул челюсть на место.

Группа была в сборе и жаждала впечатлений.

Артем повел их по Лиговскому проспекту. Обычно он начинал экскурсию с общей обстановки в городе в начале прошлого века.

Полицейская статистика того времени выглядела совсем плачевно. За год в полицию доставлялся каждый шестой житель Петербурга, хотя среди этой армии нарушителей закоренелых злодеев встречалось не так уж и много. В основном люди задерживались за мелкие нарушения, хотя тяжких преступлений с каждым годом становилось все больше. За первые десять лет двадцатого века количество убийств выросло вдвое по сравнению с предыдущим десятилетием, а самоубийства — страшный грех по тем временам — стали встречаться вчетверо чаще. География зла имела свои четко очер-

ченные городские оазисы, одним из которых и являлась Лиговка.

В полицейском отношении Петербург был разделен на двенадцать частей...

— Прямо как знаки зодиака, — вставила деваха из Канады, с шумов втянув в себя давно остывший кофе.

— Да, как знаки зодиака, — подтвердил Артем.

— Забавно, — прищурился француз. — И что, прослеживалась параллель?

— Не совсем. Точного соответствия «знак зодиака — район города» не существует, хотя попыток составить астрологическую карту Петербурга было множество. Слишком субъективные критерии. Конечно, с некоторой долей уверенности можно сказать, что район Петропавловской крепости соответствовал знаку Рака, это истоки, начало города. Аристократическая Адмиралтейская часть — парадный фасад Петербурга — Лев. Злачная Спасская часть, где совершалась треть городских преступлений, — Скорпион. Но я бы не стал проводить точные параллели. Однако мы отвлеклись от нашей сегодняшней темы. Подытожив вступление, можно сказать, что Петербург на стыке девятнадцатого и двадцатого веков являлся криминальной столицей России.

— А сейчас? — живо спросил француз.

— Сейчас? — Артем повернулся к нему. — Сейчас Петербург — культурный, цивилизованный, европейский мегаполис. Ничего похожего на массовую преступность, наводнившую город сто лет назад, сейчас нет и появиться не может.

Группа поравнялась с пятиэтажным желто-охристым зданием. Это был первый адрес в сегодняшней экскурсии. В начале двадцатых годов в доме рас-

полагалась самая известная в городе «малина» — притон-убежище банды Ивана Белки, одной из самых свирепых и опасных в Петрограде того времени. Главарь считался королем преступного мира, а его шайка держала в ужасе всю столицу. Выдавая себя за сотрудников ЧК, пришедших с обыском, бандиты вламывались в квартиры, убивали и грабили жильцов. В лучшем случае после такого визита ограбленные получали расписку: «...ивица в комнату... на Горохувую дом 2, к товарищу...» (на Гороховой тогда находился штаб ЧК), в худшем — свидетелей убивали. Ликвидировал банду молодой следователь Иван Бодунов. Он сумел выследить бандитов, а затем организовал штурм дома, где проходила сходка. В результате страшной перестрелки Белка, две его боевые подруги и два десятка бандитов погибли, остальные были отданы под суд и расстреляны.

Артем привел туристов сначала во двор дома, а затем и на чердак — была договоренность с владельцем квартиры, оборудованной прямым выходом. Тусклая, едва разгоняющая сумрак лампа с оранжевым абажуром, мощные деревянные перекрытия, круглый массивный стол, старинные кресла с вытертым бархатом и вензелями впечатлили туристов. Они ловили каждое слово Артема, представляя бандитов, делящих золото за огромным столом, во главе которого в кресле по-хозяйски развалился сам Иван Белка. На улицу они вышли заметно притихшими.

Продвигаясь от одного здания к другому в сторону Сенной площади, Артем рассказывал о притонах, публичных домах, убийствах, бандитских налетах. Последним, завершающим аккордом экскурсии была «Вяземская лавра» — целый район, разделенный за-

коулками и проходными дворами за Сенной. Глядя на чистенькие, аккуратные фасады Московского проспекта, с трудом верилось, что когда-то здесь находилось «дно» Петербурга — ночлежки, притоны, бордели самого низкого пошиба.

Три часа, отведенные на экскурсию, прошли быстро. Пожелав туристам приятного отдыха, Артем мысленно распрощался с ними. Девахи, едва кивнув, рванули в ближайший ресторанчик быстрого питания, пенсионеры, скупко поблагодарив, двинулись в сторону Адмиралтейства, а француз явно никуда не торопился. Подождав, когда все разойдутся, он подошел к Артему.

— У меня к вам деловое предложение. Может быть, кофе?

Очередная обезоруживающая улыбка, и Артему ничего не осталось, как молча кивнуть в ответ. Надежда подремать днем, как он обычно делал после утренних экскурсий, стремительно таяла.

Выцепив взглядом только что открывшийся ресторан, француз приобнял Артема и, словно старого приятеля, энергично потащил через площадь к столикам на веранде. Сделав заказ, он вдруг посерьезнел. Вместо напористого д'Артаньяна перед Артемом оказался умный и осторожный Атос.

Теперь он не спешил. Дождался, когда официант расставит на столе чашки, буркнул стандартное «мерси» и задумался. К кофе он не притронулся. Зато Артем потянулся к чашке и с наслаждением вдохнул кофейный аромат. Раз уж поспать не удастся, то хороший кофе сейчас будет как нельзя кстати.

— Меня зовут Морис Дальбан, я журналист. — Француз поднял глаза над чашкой. — Пишу нон-фикшн, в основном отслеживаю параллели между со-

временным миром и прошлыми веками — политика, искусство, нравы, криминал.

Он покопался в своей сумке и выложил на стол книгу в глянцевом переплете, перевернув ее обратной стороной обложки наверх. С фотографии на Артема смотрел Морис, ниже по-французски значилось «Морис Дальбан, журналист, историк, писатель». На фото он выглядел чуть моложе и чуть растрепаннее.

— Сейчас я собираю материалы о криминальном Париже начала двадцатого века и об одном из своих предков в частности, — продолжал Дальбан. — Он был известным и довольно успешным детективом. Недавно мне в руки попали записки бывшего заместителя начальника криминальной полиции Петрограда. После революции судьба занесла этого несчастного человека в Париж, где он помогал в расследованиях моему прадеду.

Он вновь зарылся в свою сумку, и на стол рядом с книгой легла тетрадь в кожаном переплете с потертыми углами.

— Я хочу, чтобы вы перевели для меня эти записи.

Артем взглядом попросил разрешения и, получив одобрительный кивок, отогнул язычок замка. Пожелтевшие от времени страницы были плотно исписаны торопливым размашистым почерком. Вполне читаемым, к счастью.

— В Париже закончились знающие русский язык? — усмехнулся он.

Дальбан поморщился.

— Можно и так сказать. Закончились способные перевести адекватно. Потомки иммигрантов давно стали французами и забыли родной язык, да и кто сейчас разберется в реалиях столетней давности? Фраза «на

ее плечи была накинута ротонда» вводит их в ступор, потому что для них ротонда — архитектурное сооружение. Впрочем, большинство не знают и этого. Тут нужен историк, вернее, даже не столько историк, сколько краевед вроде вас. Вы чувствуете себя как рыба в воде в той эпохе — я сегодня убедился в этом — и отлично знаете французский. Откуда, кстати?

— Бабушка преподавала.

— А история города?

Артем пожал плечами.

— От деда. Он увлекался и вот — втянул.

— Вот видите, лучше вас мне никого не найти! — обрадовался Дальбан. — У меня уже была одна неудачная попытка с переводом несколько месяцев назад в Париже. До сих пор от девушки не получил ни строчки.

Француз в очередной раз простодушно улыбнулся, а затем, посерьезнев, назвал сумму. Вполне достаточную для того, чтобы Артем вновь потянулся к тетради.

— Сроки?

— Я не тороплю, смотрите сами, как пойдет. Неделю, а то и больше я пробуду в Петербурге, я остановился в «Кемпински» на Мойке. Если возникнут трудности с текстом, можете просто наговорить на диктофон.

Легко сказать — просто наговорить...

— Ладно. Попробую.

— Отлично! Замечательно! — расцвел Дальбан.

— Не жалко отдавать? — Артем показал глазами на лежащую на столе тетрадь.

— Жалко.

Дальбан убрал тетрадь в сумку, вместо нее на стол легла современная пластиковая папка.